

Ксения Мирошник

СКВОЗЬ ВЕКА
НЕВЫНОСИМАЯ МИСС ПЭГ
ЛОВУШКА ПОД ОМЕЛОЙ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ксения Мирошник

Ловушка под омелой

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2022
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 690

Художник
В. Федоров

Мирошник К. В.
М64 Ловушка под омелой: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3403-9

Нелепая случайность меняет мою размеренную жизнь. В самую волшебную ночь в году я попала в ловушку под омелой и теперь вынуждена ходить за новым капитаном академии словно зачарованная.

Как избавиться от навязанного союза и не разгневать магическое сообщество? А еще успеть сдать экзамены и получить желаемую должность?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3403-9

© Мирошник К. В., 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ГЛАВА 1

Легкий мороз украсил окна обычно унылого главного корпуса академии. Я с удовольствием разглядывала морозные мазки и поражалась замысловатости узоров. Зима неведомыми взмахами создавала причудливые завитки, рисовала разнообразные снежинки, и ни одна не повторялась. Я много знаю о магии, вижу ее каждый день, но вот эти рисунки зачаровывали гораздо больше. Мороз и зимняя стужа — это что-то более эфемерное для меня, что-то более волшебное, чем сама магия.

Осторожно осмотрелась и перебрала пальцами в воздухе. Узоры на окне заискрились и будто отклеились от стекла, я улыбнулась и направила их на открытый лист своего альбома. Морозный рисунок отпечатался серебром на бумаге и послужил рамкой для улыбающегося лица миссис Патчис, которое я нарисовала на прошлом занятии по практической магии.

Меня нельзя назвать обычной студенткой, и учиться вместе с другими выпускниками мне позволили только в этом году. На самом деле я всегда считала, что как никто заслужила разрешение посещать занятия. Ведь я выросла в этих стенах. Еще младенцем меня привез сюда какой-то путник, рассказав, что нашел мирно спящего ребенка в корзинке на перекрестке двух дорог. Мои ресницы были покрыты инеем, хотя в ту пору стояло лето. Путник решил, что все это магия, не иначе, и принес меня здешним учителям, чтобы уже они определяли мое будущее. Кстати, этот иней до сих пор покрывает кончики моих длинных и густых ресниц.

Можно сказать, это было чистым везением, потому как во мне действительно проснулась магия, а лучших наставников и придумать невозможно. Академия Фергюсона-Стоттона, именуемая в народе Зимней стужей, считалась лучшей в

стране, и я стала единственным ребенком, живущим здесь постоянно.

Сейчас мне уже почти двадцать, и я старше всех студентов, что сидели вокруг, на два, а то и на три года. Оплатить мою учебу было некому, но в пятнадцать лет я напросилась в помощники к библиотекарю и артефактору мистеру Дроггу Бастири. Я прочитала сотни книг о магии и занималась с некоторыми учителями в их свободное время. С теми, кто любил возиться со мной с детства. Иногда, когда находилось время, я пробиралась тайком на занятия и слушала лекции, наблюдала за упражнениями детей, которые приходили, учились четыре с половиной года и выпускались. За ними следом приходили другие, и сейчас мне казалось, что некоторые из лекций я могла бы читать сама. Особенно те, что касались магических предметов и существ.

Миссис Патчис любила меня, словно родную дочь, ну или правильнее будет сказать — внучку. Именно ее усилиями и долгими уговорами директоров академии мне посчастливилось стать студенткой. Магистры позволили присоединиться к выпускникам еще летом, прослушать последние курсы по всем предметам и в январе, после новогодних праздников, сдать выпускные экзамены.

Оторвавшись от окна и собственных размышлений, я посмотрела на миссис Патчис, которая монотонно вещала о том, что, несмотря на предстоящую праздничную неделю, нельзя расслабляться, ведь в академии Фергюсона-Стоттона зима самое важное время. Особенно для таких, как мы, — выпускников. Я зажмурилась и почувствовала, как сердце вновь тревожно заколотилось — прошло уже полгода, как влилась в ряды учеников, а поверить в свою удачу все еще не могла. Подавила печальный вздох, который был вызван мыслями о сдаче экзаменов, и вновь повернулась к окну.

На маленькой площади позади корпуса, куда выходили окна класса миссис Патчис, собралась стража. Молодые мужчины и женщины вытянулись по струнке, приветствуя нового капитана. Мне, как не совсем студентке, были известны все внутренние новости и перестановки. В качестве помощницы довольно пожилого уже мистера Бастири я присутствовала на всех собраниях. Да и работу в библиотеке выполняла фактически я одна. Две недели назад было объявлено о смене капитана местной стражи. Он должен прибыть с юга, чтобы

принять должность и решить какое-то важное дело, о котором знали только магистры Отто Фергюсон и Ашер Стоттон.

— Прибыл, значит, — пробормотала я себе под нос.

— Кто? — послышался озорной шепот Кимберли, одной из тех девушек, с кем у меня сложились приятельские отношения.

— Новый капитан, — ответила я и повернулась к ней.

Глаза подруги сияли живым любопытством, она выглянула из-за моего плеча, пытаясь разглядеть новое загадочное лицо в академии. Ее тугие светлые кудряшки пощекотали мое лицо, и я, тихо посмеиваясь, отодвинула их от себя и улыбнулась шире, услышав разочарованное фырканье.

— Он же спиной стоит! Не видно ничего!

— А ты думала, что он повернется специально для тебя? — усмехнулась я.

— Любопытно же!

Кимберли не так давно исполнилось восемнадцать лет, и уже в наступающем году, после окончания академии ее ждет брак по договоренности. Она была обручена с детства, но в ее конкретном случае этот брак будет счастливым. Своего жениха девушка знала чуть ли не с рождения, и им обоим посчастливилось проникнуться друг к другу глубокими чувствами. Из каких-то соображений их отцов жениха отправили учиться в другую академию, ориентированную на военное дело. Хотя, по словам Кимберли, ее суженый склонялся к более мирным занятиям.

Интерес подруги к новому капитану был продиктован лишь любопытством. Но студенты нередко увлекались стражами. Запретное всегда вызывает интерес. Отношения между магами и людьми строго запрещены. Магическое сообщество считало стражей всего лишь людьми, даже несмотря на имеющуюся у них способность. Наши защитники обладали природным иммунитетом к магии, к любой магии. Они не могли быть околдованы, зачарованы, побеждены магами, которые, в свою очередь, обычным боевым навыкам не обучались. Именно благодаря этому редкому дару юношей и девушек отбирали в гвардию.

Как и многие сокурсницы, я тоже успела влюбиться. Правда, тот, о ком я вздыхала, меня практически не замечал. Один из самых сильных магов на потоке, блестящий студент, весельчак и красавец. И пусть он был почти на два года младше, но среди сверстников казался самым взрослым и разум-

ным. Хотя поговаривали, что есть в нем какая-то чертовщина, которая нет-нет и пробивается наружу, но я предпочитала списывать эти слухи на зависть.

Джерс налетел на меня в коридоре несколько месяцев назад и чуть не сбил с ног, но вовремя подхватил, а потом помог собрать книги. Вот тогда я заглянула в его серые глаза и поняла, что безнадежно пропала. Банально, скажете вы, но так действительно бывает. Случайности иногда вот так сталкивают людей. С тех самых пор мое сердце неумолимо тянулось к сероглазому красавцу.

Я робко повернулась, ощутив, как взволнованно заколотилось сердце, и украдкой взглянула на точеный профиль, будто нарисованный талантливым художником. Я и сама неоднократно пробовала нарисовать Джерса, но каждый раз оставалась недовольной. То не смогла передать золотисто-медовый оттенок его густых волнистых волос, то подбородок выходил недостаточно волевым, то губы недостаточно чувственными. Девочки смеялись надо мной, утверждая, что я и так приукрашиваю Джерса и наделяю несуществующими достоинствами.

Поскольку урок был заключительным перед праздничной неделей, миссис Патчис напоминала, какие навыки стоит оттачивать, каждому из студентов указывала его слабые места, на которые следовало обратить внимание. Обстановка в классе была довольно расслабленной, но преподавателя это не сильно волновало. Сердечно любимая мною миссис Патчис уже сама предвкушала недолгий отдых, немного покоя у окна с любимой книгой и новогоднюю суету.

Академия находилась в окрестностях города Острэма, жители которого очень ответственно и с большой любовью относились к праздникам. Да и к зиме тоже. Они украшали улицы фонарями, проводили ярмарки, открывали катки. С горожанами маги дружили, поэтому каждый год перед новогодними праздниками преподаватели и некоторые ученики помогали строить ледяные скульптуры на главной площади и возводили замысловатые ледяные горки для взрослых и детей. Я тоже участвовала в этом лет с шестнадцати. Миссис Патчис научила меня выравнивать каток на озере, воздвигать целые композиции, которые выглядели очень натурально, и если это были люди или животные, то они очень походили на живых.

Как раз завтра я в компании Ким и некоторых учителей должна буду отправиться в город. В душе проснулось радостное нетерпение. Даже несмотря на то, что я давно не впечатлительная девчонка, новогодняя неделя все еще была самой особенной для меня, самой волшебной.

Огромный голубой попугай, который, казалось, дремал весь урок, сидя в своем серебряном резном круге, встрепенулся и взмахнул несколько раз широкими крыльями. Так Тьяго возвещал о конце урока. Класс мгновенно ожил, со всех сторон слышались звуки отодвигаемых лавок, учебники посыпались в сумки и раздались смешки и тихие переговоры.

Ким схватила меня за руку и потащила за собой, едва я успела убрать альбом.

— Хлоя! — окликнула меня миссис Патчис прямо у дверей. — Не забудь, пожалуйста, что ты обещала мне помочь отнести Тьяго в комнату на время каникул!

Мы с подружкой переглянулись, и Ким состроила кислую мину, но все равно вернулась в класс. Миссис Патчис любили все. В свои шестьдесят два она выглядела довольно бодрой, энергичной и собранной. Густые темные волосы смотрелись очень необычно, чередуясь с седыми прядями, которые она даже не пыталась спрятать. Живые, искрящиеся молодостью и задором глаза темно-синего цвета всегда смотрели с интересом. С самого детства я была уверена: ее глаза — это первое, что я увидела, когда проснулась уже не на перекрестке, а в стенах академии. Женщина была худощавой, высокой, с прямой, будто чуть горделивой осанкой. Несмотря на возраст, миссис Патчис считалась одной из самых красивых женщин в академии. Ученики обожали ее за нескудные уроки и за то, что она никогда не повышала голоса. Ну почти никогда. Чтобы вынудить ее накричать на кого бы то ни было, нужно очень хорошо постараться.

— Девочки, — замечая присутствие Кимберли рядом со мной, сказала она, — отнесите Тьяго, пока я соберу свои вещи и закрою класс до восьмого января.

Мы с подружкой кивнули и взялись за кольцо с обеих сторон. Оно, вместе с огромным попугаем, было жутко тяжелым, и я не раз спрашивала, почему нельзя просто щелкнуть пальцами и переместить его в комнату миссис Патчис ну или хотя бы заставить его плыть рядом со мной, пока я шагаю по коридорам и лестницам. На это преподаватель неизменно отвечала, что у Тьяго очень тонкая душевная организация и слабый

желудок. Он не выносит перемещений и вообще каких-либо магических вмешательств в его размеренную жизнь.

Я никогда не видела, чтобы Тьяго летал, да и вообще совершал хоть какие-то мало-мальски лишние движения, помимо взмахов тяжелыми крыльями в начале и конце уроков. Возможно, именно поэтому он казался таким грузным. Мы с Ким переглянулись и кивнули друг другу, понимая, что деваться все равно некуда. Путь предстоял неблизкий, тянуть смысла не было.

Мы вышли из класса и отправились по коридору, который вывел нас к широкой лестнице. Главный корпус был самым большим в академии, возможно, именно поэтому он так и назывался. А может быть, потому что здесь находились кабинеты магистров, педагогов, занимающихся с выпускниками, огромная библиотека с артефакториумом, общий зал для всех студентов и залы для практических занятий. А также на самых верхних этажах располагались спальни преподавателей и учащихся.

Студенты жили по несколько человек в комнате, мне же досталась отдельная, не очень большая, но и не маленькая комната с прекрасным видом на густой и древний, как сама магия, лес. Когда я повзрослела и стала достаточно самостоятельной, учителя приняли решение поселить меня отдельно. Магистры хоть и не были довольны, но возражать не стали. Само мое присутствие и без того нарушало все установленные сотни лет назад правила. Комната мне досталась на том же этаже, что и у миссис Патчис, только в сравнительном отдалении. Нужно было пройти почти до самого конца длинного коридора и повернуть за угол, там находилось что-то, напоминающее нишу. В этой самой нише и утопала моя дверь. Девочки завидовали мне, а я в свою очередь завидовала им, поскольку жить совсем одной было скучно. Ученикам категорически запрещалось приходить к спальням преподавателей, но мы с Ким нередко нарушали это правило, и я тайком приводила подружку в свою комнату, чтобы вместе переночевать.

— Давай поторопимся, — сказала Ким, подтягивая круг чуть выше, чтобы было удобнее, — я хотела успеть заскочить к Бэтани, чтобы закончить платье к завтрашнему новогоднему балу.

— Времени достаточно, — усмехнулась я. — Тем более заговздка лишь в том, что ты не можешь определиться с цветом.

— Все не так просто, — фыркнула подруга. — Фиалковый освежает мое лицо, а мятный подчеркивает красоту глаз. Я никак не могу выбрать.

Я снова усмехнулась, но продолжать эту тему не решилась. Кимберли очень серьезно относилась к своей одежде, и ей было действительно важно выбрать правильный цвет для платья.

— И почему нельзя просто сочетать эти цвета в одном наряде? — буркнула я себе под нос и тоже подтянула круг с попугаем, потому что руки уже затекли.

Тьяго недовольно крикнул и взмахнул одним крылом, будто подгоняя нас и повелевая не трясти и не дергать его перекладину. Мимо нас шагали студенты со счастливыми лицами. Их глаза искрились, улыбки не сходили с лиц, и заразительный смех, звучащий то тут, то там, заставлял сердце радоваться. Все ощущали приближение самой главной ночи в году. Для студентов Зимней стужи это не просто бал и елка, это ступень во взрослую жизнь. Именно после новогодней недели наступает пора заключительных испытаний. Январь становится самым ожидаемым месяцем и самым тревожным одновременно.

— Ты пойдешь со мной сегодня к омеle? — спросила подруга, поворачивая на очередной пролет казавшейся бесконечной лестницы.

— Ким! — с легким упреком воскликнула я. — Ну мы же много раз говорили об этом! Волшебные свойства омеle сильно преувеличены, и то, что в новогоднюю неделю она может соединить какую-то пару истинным чувством, — это просто сказка. Поверье, небылица, и все!

— Если мы с тобой никогда этого не видели — это еще не значит, что ее свойства выдумка, — с улыбкой и надеждой сказала Ким.

Если признаться честно, то я тоже пару раз ловила себя на мысли, что была бы не против оказаться с Джерсом под омеleй. Может, тогда он бы меня заметил, может, нам суждено быть вместе, но он пока об этом не догадывается. Мечтать никто и никому запретить не может, но, как говорила миссис Патчис, главное не увлекаться. Джерс блестяще сдаст выпускные экзамены и покинет академию навсегда, а я останусь здесь, потому что идти мне больше некуда. Задумавшись, я не заметила, что Ким остановилась, и когда сделала новый шаг, дернула на себя круг с такой силой, что Тьяго чуть не упал.

Его неприятный крик заставил нас вжать головы в плечи и поежиться. Как только вредная птица успокоилась, я посмотрела на подругу. В ее глазах стояла такая мольба, что я не выдержала и кивнула сдаваясь.

— Ладно, я схожу с тобой посмотреть на омелу и на безумные парочки, которые верят во всякие бредни.

С самого детства я видела влюбленных, которые нарочно вставали под омелу в надежде на ее благословение. Но этого никогда не происходило. Я, как и все, слышала, что союз, благословенный омелью, неоспорим, что все магическое сообщество принимает его как нечто непреложное. Когда мне было десять или двенадцать лет, я тоже представляла, как встану под ней со своим избранником, он нежно меня поцелует и... А что дальше произойдет, выдумывала моя фантазия, потому как никто из ныне живущих этого уже не помнил.

Добравшись наконец до комнаты миссис Патчис, мы водрузили Тяго на его законное место, подвесив круг на большой крючок, и отправились ко мне, чтобы переодеться и оставить сумки.

Мою комнату щедро заливал дневной свет, потому что одно из окон было вытянуто от пола и до потолка. Я сама его таким сделала, как только переехала сюда, а потом устроила под ним что-то вроде лежака, накидав разноцветных подушек и смастерив для удобства импровизированную спинку. Мне нравилось смотреть на лес, на то, как время от времени к стенам корпуса робко подходят лесные животные. А еще я обожала снегопады и вьюги. Часто засматривалась на кружащие снежные потоки, обнимая ладонями горячую кружку с мятным чаем или какао и чувствуя себя в тепле и безопасности.

Миссис Патчис позволила переделать это помещение на свой вкус, чтобы было уютнее. Я не стала заставлять его мебелью, мне хватило просторной кровати, невысокого шкафа, стола для занятий и пары тумбочек. Я очень любила нежно-голубой цвет, даже не совсем голубой, а больше белый с легким голубым отливом, как у инея. Мои шторы, и постельное белье, и подушки на кровати были из тканей именно такого цвета. Для меня это самый теплый и родной угол в академии.

Наскоро сменив форму на теплые брюки и удлиненную куртку, я переобулась в теплые высокие сапоги, а потом накинула плащ с большим меховым капюшоном. Оставалось найти варежки.

— Готова? — спросила Ким, притопывая от нетерпения у дверей.

— Да, — ответила я, вытаскивая искомое из-под груды учебников.

Бэтани жила в другом корпусе и должна была окончить академию только через год, но пару лет назад один из преподавателей обнаружил у нее удивительную способность к созданию изысканной одежды. Девушка обладала прекрасным чутьем и отменным вкусом. С тех самых пор ее комната стала больше похожа на швейную мастерскую, где неустанно трудились десятки иголок и повсюду летали ленты, кружева и разного рода мелочи вроде бисера, бусин и пуговиц. Девушки разных возрастов одолевали Бэтани бесконечными просьбами, ведь наряд, сделанный мастерицей, всегда подчеркивал достоинства и скрывал недостатки.

Платье Кимберли было готово уже давно, но, на свою беду, Бэтани предложила два разных варианта цвета, и после примерки обоих Ким только расстроилась, потому что ей нравились оба.

Мы вышли из главного корпуса и оказались в настоящей снежной сказке. Все вокруг было белым-бело, крыши укрыли пушистые шапки, обнаженные осенью ветви деревьев теперь нарядились в колючие рукавицы, под ногами хрустело снежное одеяло, а легкий мороз тут же начал щипаться. Я вдохнула полной грудью, а потом выпустила изо рта густой пар и улыбнулась. Мы обогнули здание и оказались на большой площади, окруженной пятью корпусами, между которыми мелькали либо маленькие строения, либо площадки для тренировок. Летом здесь находился огромный фонтан, а сейчас красовалась гигантская елка, давно украшенная шарами, игрушками и лентами. Если говорить о елках, то в академии они были повсюду. В каждом корпусе, на каждом этаже. Вечерами зажигались разноцветные огни, звучал легкий перезвон крошечных колокольчиков и пахло выпечкой.

Мы прошли мимо первокурсников, соревнующихся в лепке фигурных снежков, которые они раскладывали на лавочках, а потом устраивали бои. Ким подмигнула мне и легким движением пальцев собрала все их творения в единый ком и вылепила огромного кота, который неожиданно бросился в толпу студентов. Девчонки и мальчишки взвизгнули от неожиданности и кинулись врассыпную, но потом повалились

на снег и рассмеялись. Подруга помахала им рукой, и мы пошли дальше.

Корпус, где учились и жили студенты четвертого курса, был самым ближним к главному, поэтому идти пришлось недалеко. Я бросила несмелый взгляд на каток, залитый для завтрашнего бала, и ощутила, как во рту пересохло от волнения.

— Не переживай, Хлоя, — мягко улыбнулась Ким и положила мне руку на плечо, — завтра все пройдет идеально. Я уверена.

— Я говорила миссис Патчис, что не хочу танцевать у всех на глазах, а она и слушать не хочет. — Я вздохнула и не удержалась от еще одного страдающего взгляда на каток.

— Все, кто видел, что ты вытворяешь на коньках, восхищаются твоими способностями. Одна ты не веришь в них, — продолжила успокаивать меня подруга. — Я вот жду не дождусь, когда увижу танец, который ты приготовила.

Я не стала спорить, потому что эта дискуссия все равно ни к чему не приведет. Отвертеться от выступления мне уже никто не позволит, а веры в себя от слов Ким не прибавится. Я обожала коньки и танцевала на льду с самого детства, но делать это старалась вдали от посторонних глаз. Излишнее внимание к моему увлечению смущало, поэтому танцевать я чаще всего выходила поздним вечером или в те часы, когда все студенты заняты на уроках.

Бэтани встретила нас с хмурым лицом, скорее всего, уже предвкушая метания моей подруги от одного цвета к другому. Прежде чем Ким открыла рот, девушка выставила вперед руки и спросила:

— Ким, а если нам прекратить твои мучения одним махом?

Я с надеждой посмотрела в лицо девушки, которая будто сама боялась того, что собиралась сказать. В комнату она нас еще не впустила и даже дверь придерживала бедром, будто готовилась ее захлопнуть, если Кимберли вновь начнет сомневаться.

— Я кое-что сделала, но понятия не имею, как ты отреагируешь... — чуть сморщившись от неуверенности, сказала Бэтани.

— И что же ты сделала? — округлив и без того выразительные зеленые глаза, спросила моя подруга.

Бэтани бросила на меня робкий взгляд, словно искала поддержки, а потом отступила, пропуская Кимберли внутрь. Девушка вошла в комнату одна и через, показавшееся вечно-стью мгновение завизжала. Мы с Бэтани переглянулись, с лица мастерицы сошли все краски. Новый визг заставил нас броситься в комнату.

Ким держала в руках удивительно воздушное платье с пышной короткой юбкой и расшитым лифом. Само платье осталось фиалковым, а вот вышивка и небольшой газовый шлейф были нежного мятного цвета. Сочетание получилось потрясающим, и так подумала не только я. Кимберли прижимала наряд к груди и даже слегка подпрыгивала от восторга.

— Это просто удивительно! Как я сама не додумалась? — радовалась подруга.

Бэтани заметно расслабилась и смогла наконец улыбнуться в ответ. Она посмотрела на меня, и взгляд ее показался мне загадочным, я вопросительно вскинула брови.

— У меня и для тебя кое-что есть, — несмело сказала Бэтани.

— Для меня? Но я же не просила! — удивленно воскликнула я.

— Знаю, но предпочитаю не спорить с вдохновением. — Бэтани покраснела, отчего ее веселые веснушки, чуть бледнеющие зимой, стали ярче. — Однажды я видела, как ты танцуешь, и знаю, что завтра ты будешь выступать на балу. Если тебе не понравится, ты, конечно, можешь не надевать... я не обижусь... просто оно само родилось в голове...

С этими словами Бэтани распахнула огромный шкаф и вошла в него, будто в другую комнату. Именно в нем она хранила готовые наряды.

Пока хозяйки комнаты не было, я снова с удовольствием рассмотрела ее мастерскую. Бэтани рисовала эскизы повсюду: на стенах, на альбомных листах, на салфетках и даже в тетрадях и учебниках. В ее комнате царило буйство красок и оттенков, но они не раздражали глаз, а создавали творческое настроение. Даже мне сразу захотелось нарисовать что-нибудь.

Ким крутилась перед зеркалом, так и эдак прикладывая свое платье и улыбаясь, а у окна иголки сами собой пришивали розовую ленту к длинному очаровательному платью. Еще одна счастливица в скором времени обзаведется праздничным туалетом.

Бэтани вышла из своего шкафа и скромно протянула мне свой очередной шедевр. Платье было нежно-голубым, как раз таким, как я люблю, похожим на иней, покрывающий окна и деревья. Его юбка тоже была короткой и пышной, как у Ким, но ее украшало множество серебряных снежинок разных размеров и форм. Рукава доходили до локтей, а невесомый воротник поднимался высоко под горло. Я даже рот приоткрыла от удивления и восхищения.

— Тебе... нравится? — спросила Бэтани, а я лишь усиленно закивала, не в силах и слова произнести. — Как я рада, Хлоя! Я подумала, что если ты украсишь коньки такими же снежинками, то получится еще лучше. А еще у меня есть к этому платью прекрасный ободок, который можно вставить в прическу, и он будет сиять и искриться во время движения.

Девушка сбегала за ободком и положила его поверх платья, а мне оставалось лишь хлопать глазами и кивать, поражаясь такому подарку к празднику.

От души поблагодарив Бэтани, мы с Ким разошлись по комнатам, чтобы повесить наряды, а потом встретиться за ужином. И только поздно вечером, когда до отбоя оставалось полчаса, мы украдкой спустились к омеле, которая каждый год сама находила себе место. В этот раз она расположилась прямо на улице, недалеко от елки, украшавшей площадь. Несколько студентов собрались вокруг нее, чтобы собственными глазами увидеть очередную попытку влюбленных получить благословение.

— Это Элли? — спросила я у подруги. — И Бен? Я не знала, что они вместе.

— Они начали встречаться всего неделю назад, и Элли уже притащила его сюда. Посмотри на лицо несчастного Бена. Он еще сам не уверен, что Эл ему нравится, а тут благословение омелы, — сказала подруга и хохотнула, прикрывая рот.

— Погоди, а разве Элли не приходила сюда в прошлом году?

— Было дело, — усмехнулась Ким. — Тому бедолаге повезло, посмотрим, что станет с этим.

Даже я, видевшая эту картину из года в год, все равно задержала дыхание, когда девушка и парень шагнули под зеленую ветвь. На лице Бена я не заметила и тени энтузиазма, но Элли умела быть настойчивой. Ничуть не смущаясь, девушка сама поцеловала его, но ничего так и не произошло.

— Эх, — вздохнула Ким, когда разочарованные зрители начали расходиться. — Опять не повезло.

— Смотри кому, — заметила я, вспоминая несчастное лицо Бена.

Кимберли посмотрела на меня, и мы обе расхохотались. Подруга чмокнула меня в щеку и убежала в свою комнату, а я направилась к катку, чтобы в последний раз оттрепетировать свой завтрашний танец.

Сменив сапоги на коньки, я вышла на лед и сделала несколько разминочных кругов, чтобы разогреться. Поверхность была гладкой и чистой, словно зеркало. По такому льду скользить одно удовольствие. Разогнавшись как следует, я выполнила несколько прыжков, а потом закружилась, соединив руки над головой. Это движение вызывало особенный восторг в моей душе. Когда вращения замедлились, я заметила постороннюю фигуру на площадке и резко остановилась.

На меня с интересом смотрел высокий молодой мужчина в форме.

ГЛАВА 2

Прежде я никогда не видела этого человека, поэтому застыла как вкопанная, не зная, как себя вести. Он молча продолжал смотреть на меня, а я смотрела в ответ. Даже в слабом свете елочных гирлянд и иногда выплывающей из-за облаков луны я заметила явное отличие этого мужчины от всех остальных стражей, несших службу в академии. Кожа. Она была смуглой, привыкшей к большому количеству солнца. Мужчине на вид было лет двадцать шесть, может, двадцать семь, и выглядел он очень собранным и сосредоточенным. Я ощутила внезапное желание запечатлеть его привлекательное лицо в своем альбоме. В мыслях уже подбирала черный карандаш для его густых коротко остриженных волос, потом голубой для выразительных глаз под густыми ресницами и бледно-розовый для чувственных губ, окруженных легкой щетиной.

— Время отбоя уже давно наступило, — строго сказал он. — Все студенты должны быть в своих комнатах.

Он сделал несколько шагов ко мне, и я поняла, что даже на коньках едва достану макушкой до его носа, а уж если сниму их, то он будет выше на целую голову.

— Это правило ко мне не относится, — ответила я, наконец осознавая, что это новый капитан нашей стражи.

— Ты особенная? — нахмурился он, и его тон мне совсем не понравился.

— Вовсе нет... Я...

— Тогда не заставляй меня делать тебе замечание, — все так же серьезно заявил мужчина.

Замечания, сделанные за нарушение порядка, могут испортить характеристику и помешать выпускнику академии получить хорошую должность. Мне-то, конечно, бояться нечего, ведь со своим будущим я давно определилась. Мистер Бастири был очень мной доволен и вместе с миссис Патчис рекомендовал меня на должность старшего библиотекаря и артефактора, после того как я сдам выпускные экзамены. Студенческий распорядок ко мне не имел никакого отношения, поскольку мне приходилось еще и в библиотеке время от времени появляться, а также периодически выполнять разнообразные поручения преподавателей и магистров. Одним словом, я могла свободно передвигаться когда угодно и где угодно. А вот без экзаменов даже мое особое положение в академии не поможет мне получить повышение и, так сказать, официальную должность.

Наши стражи довольно лояльно относились к мелким нарушениям и замечания делали лишь на словах, не желая портить будущее студентов. От этого человека я не знала, чего ждать.

— Вы не поняли, — попыталась объяснить я, — я завтра выступаю на балу и другого времени...

— Это не имеет значения, — перебил капитан, — правила едины для всех.

— Для вас, может, и не имеет значения... — возразила я, чувствуя, что как-то не так объясняю и, вероятно, просто не с того начала. — Послушайте, у меня есть разрешение свободно передвигаться по территории академии и за ее пределами.

— И где оно? — совершенно резонно, на его взгляд, спросил страж.

— Пф... — растерянно выдохнула я. — Вы ждете, что я покажу вам какой-то документ? Его нет. Разрешение выдано мне на словах.

Мужчина многозначительно вскинул брови и сложил руки на груди, давая понять, что мои слова для него всего лишь слова.

— Переобувайся и отправляйся в свою комнату, пока я не утащил тебя к твоим учителям, которые накажут еще и за ложь.

Вот же упертый!

— Вы новый капитан? — решила я зайти с другой стороны и попытаться договориться. Очень уж не хотелось потерять возможность еще разок отрепетировать. — Как вас зовут?

— Аведа, Андреас Аведа, — хмуро сказал он и неловко опустил руки.

На миг мне показалось, что он не очень комфортно себя чувствовал, представляясь, но что могло стать причиной? Хотя, вполне может быть, ему просто надоело представляться в свой первый день на службе.

— Капитан Аведа, — обратилась я к нему со всем своим возможным терпением, — давайте поступим так, вы мне сейчас позволите закончить последнюю репетицию перед важным выступлением, а завтра спросите у кого угодно, и вам подтвердят, что разрешение у меня есть.

— Нет, — категорично отрезал он, разбивая последнюю надежду, — переобувайся.

Я отвернулась, ощущая, как начинаю закипать от негодования и обиды.

— До чего неприятный человек, — пробурчала я себе под нос. — Выслужиться решил за мой счет.

Сняв коньки, связала их шнурки и повесила обувь на плечо, как делала с самого детства. Мужчина пропустил меня вперед, сохраняя нахмуренный вид. Он выглядел таким важным, что в голове замелькали десятки картинок моей маленькой мести. Вот снежок сам собой прилетел в его лицо, вот он поскользнулся и глупо распластался прямо под елкой. Это было ребячеством, но только человек, постоянно испытывающий волнение перед публичными выступлениями, мог бы меня понять.

— Завтра вы убедитесь в правдивости моих слов и поймете, что были не правы, а вот я возможность порепетировать в одиночестве уже упущу, — сказала я, когда мы подошли к дверям главного корпуса.

— Вступив в должность, я ознакомился со всеми правилами академии, уточнил все тонкости. Если бы у кого-то было

особое разрешение на свободное передвижение, я бы об этом знал, — абсолютно уверенно сказал он и открыл для меня дверь, но не из вежливости, а только для того, чтобы убедиться, как я в нее войду.

Спорить и доказывать свою правоту такому человеку было бесполезно. Очень жаль, что я не могла заморозить его на часок-другой и спокойно продолжить репетицию. Чуть зубами не скрипнула от досады. Поднималась к себе и ворчала, проклиная правила академии и упрямство капитана.

Танцевать одной было спокойно. Никто не мешал, не смущал, не отвлекал. Мало кто видел меня на льду, особенно с тех пор как я повзрослела. Это увлечение я оставляла только для себя. Танцуя, поддавалась фантазии, полностью открывала свою душу и выпускала чувства наружу. Это мог быть гнев, и тогда танец получался быстрым, с резкими движениями и опасными прыжками. Или тоска, и темп становился плавным, словно тягучим, а взмахи руками медленными и гладкими. Говоря о том, что на льду я обнажала душу, я не лукавила, потому как все мои чувства оживали и магия преобразовывала их в картинку, предметы, музыку или целое действие. Эта особенность была загадкой и для меня, и для миссис Патчис.

Войдя в свою комнату, я бросила взгляд на висевшее у кровати платье, подаренное Бэтани. Оно было таким красивым, что я снова смутилась, ощущая ответственность за выступление, о котором не просила. Сняла плащ и куртку, разулась и подошла к окну. Лес уже давно погрузился во тьму, и сейчас я четче видела свое отражение в окне, чем его очертания. Еще раз расстроено вздохнув, я прибрала учебники, которые разбросала днем, переоделась и забралась под одеяло.

Снился мне лед и мое полное фиаско, я видела, как падаю, а все студенты вокруг смеются и свистят. А потом налетели тяжелые снежные тучи, и академию накрыла вьюга, от которой я никак не могла убежать.

На следующее утро буквально насильно заставила себя не вспоминать о ночных переживаниях и больше думать о предстоящем походе в город, где мы с Ким будем помогать преподавателям украшать улицы и площади ледяными скульптурами и горками. Когда я представляла это, мое сердце взволнованно трепетало, внутри зарождалось веселое нетерпение, а руки будто чесались от желания поскорее воплотить свои

идеи в жизнь. Уже несколько недель назад я набросала с десяток разных эскизов для будущей композиции на главной площади Острэма. Миссис Патчис и преподаватель по составлению заклинаний мисс Вандерут одобрили мои идеи и пообещали помочь.

Я взяла со стола альбом и отправилась на завтрак, но вышла пораньше, чтобы успеть заскочить в библиотеку. Это было мое второе любимое место после собственной спальни. На каникулах пристанище книг, фолиантов, свитков и артефактов открыто для всех желающих только в первой половине дня, поэтому мистер Бастири справлялся самостоятельно, а во время учебы я после занятий приходила сюда и помогала как могла. Неудобства, связанные с моим обучением, библиотекарь сносил достойно и сам всячески меня подбадривал, заверяя, что на это время может обойтись без своего главного помощника. Его слова грели душу, но мне и самой очень хотелось ему помогать.

Сейчас, отворив тяжелые резные двери, я вдохнула полной грудью легкий аромат свежих чернил с примесью пыли. Мы с мистером Бастири старались как могли, пытаясь от нее избавиться, но библиотека была такой большой и своенравной, что неугомонная пыль появлялась снова и снова.

— Доброе утро! — громко крикнула я, и мой голос разлетелся по огромному помещению.

Я ощутила, как ноги коснулись что-то мягкое, и тут же улыбнулась.

— И тебе доброе утро, Марта.

Я присела на корточки и погладила уже немолодую кошку, которая была дорога моему наставнику. Она осталась ему на память об ушедшей в прошлом году миссис Бастири. И хоть магистры считали, что кошке не место среди книг, пожилой библиотекарь заверил их, что Марта очень чистоплотна, а без нее он умрет от тоски. Не знаю, что стало настоящей причиной согласия, то ли страх за жизнь мистера Бастири, то ли сострадание.

— Доброе утро, мисс Блэр, — послышался хриплый голос.

Голова библиотекаря мелькнула на мгновение между стеллажами, а потом исчезла снова. Мистер Бастири был довольно маленького роста, не больше полутора метров, но этот факт несколько его не смущал. Я обнаружила наставника над одним из древних фолиантов, который не так давно привез магистр Фергюсон из дальней поездки на Огненные острова.

Старинное писание магистр всего лишь позаимствовал, поэтому библиотекарю было поручено перевести его и переписать. С переводом ему помогала миссис Вустром, преподававшая историю магии и языковедение. Мистер Бастири и сам знал множество языков, но с некоторых пор жаловался на память, которая с возрастом начала его подводить. Он говорил, что некоторые слова или символы будто нарочно прятались от него и никак не хотели вспоминаться.

— Хотите помощью разобраться возвращенные студентами книги? — спросила я, заглядывая через плечо наставника.

— Буду признателен, — ответил он и прикрыл от меня страницы. — Не хитрите, мисс Блэр. Вы хорошо знаете, что это писание относится к тем, которые вам читать еще не положено!

— Знаю, — раздосадованно скривилась я и пошла к стопке книг, которая накопилась за два последних дня.

Мистер Бастири мог одним движением руки расставить эту стопку по нужным полкам, но я просила его этого не делать и позволить мне самостоятельно распределять книги по их законным местам.

— Как ваши эскизы? Вы готовы к сегодняшнему событию? — спросил библиотекарь, когда я проходила мимо, пытаясь вспомнить, где должен стоять справочник по зельеварению. — Вы и мисс Ачер так ждали похода в город.

— О да, мистер Бастири, — глухо сказала я, пытаясь дотянуться до нужной полки, — мне уже не терпится испытать свои силы!

— Уверен, что вы справитесь, — улыбнулся он, когда я возвращалась. — Завтра же схожу на ярмарку и сам все увижу собственными глазами.

— Благодарю, — смутилась я и снова бросила взгляд на фолиант.

Он странным образом постоянно притягивал мой взгляд. Любопытство буквально раздирало меня, очень хотелось заглянуть в запретную книгу и узнать, как рождалось колдовство на таинственных Огненных островах. Стоило отвести глаза от ветхих страниц, как я наткнулась на хмурое лицо наставника. Сердился он редко, поэтому мне стало стыдно вдвойне. Я мигом ретировалась, чтобы поскорее разложить оставшиеся книги и успеть к завтраку.

В общем зале, где студенты и преподаватели принимали пищу, сегодня утром царили возбуждение и некая нервоз-

ность. Миссис Патчис после завтрака должна была объявить имена тех, кто будет ей помогать украшать город. Каждый хотел оказаться в их числе, ведь преподаватель практической магии выбирала только лучших. На самом деле те, кто был избран, уже об этом знали, но называть их имена публично стало доброй традицией. Нас с Ким она назвала первыми. Никто этому не удивился, поскольку меня ученики полноценной студенткой не считали, а Кимберли действительно была одной из лучших на потоке. Затем миссис Патчис назвала Джерса Стивенса, и мое сердце ухнуло в пропасть. Я нашла парня взглядом и не сдержала улыбки. От волнения даже заерзала на лавке.

— Какая прекрасная возможность, — взяла меня под руку подруга. — Познакомитесь поближе.

— Да ты что, — я тут же сдулась, словно воздушный шарик, — рядом с ним я чувствую себя малолетней дурочкой. Несу всякую чушь, глупо улыбаюсь и выставляю себя на посмеище.

— Это нормально, — дернув плечами, сказала Ким. — Все влюбленные так себя ощущают. Особенно если они еще не вместе. Тебе кажется, что он безупречен, а ты нелепое недоразумение. Но я тебя уверяю, при ближайшем рассмотрении ты поймешь, что все как раз наоборот.

Ким не то чтобы не любила Джерса, но отчего-то полагала, что он мне совершенно не подходит и не дорос до меня. И объясняла она это вовсе не возрастом.

Тем временем миссис Патчис выбрала еще двух студентов и велела всем собраться у елки перед главным корпусом. Остальным предстояло помогать с подготовкой к новогоднему балу. Миссис Патчис объявила, кого и к кому прикрепила, обозначив задачи. Вспомнив о предстоящей ночи, коньках и чудесном платье, я будто сжалась. И рада была бы испариться и вовсе пропустить празднование Нового года, но я пообещала, а обещания свои я всегда старалась выполнять.

Шумная толпа студентов разом поднялась из-за столов и отправилась к преподавателям. Я тоже собралась к елке, но моя покровительница задержала меня и повела совсем другим путем. Что-то тревожно дрогнуло в груди, но я постаралась не паниковать раньше времени. Мы прошли опустевшими коридорами и оказались у заднего выхода, где еще вчера стражи приветствовали нового капитана. Сейчас на небольшой площадке находились четыре человека: одна девушка и

трое молодых мужчин. С двумя из них я была хорошо знакома, мы порой разговаривали, если встречались. Девушку звали Лидия, одного из парней Макс. Они оба были старше меня и служили в академии уже не первый год. Лидия всегда выглядела подтянутой, собранной и даже немного суровой. Она очень серьезно относилась к правилам и порядкам и очень ревностно их соблюдала. Гибкая, стройная, выше меня на полголовы сероглазая красавица приветственно кивнула.

Макс, в отличие от нее, был веселым, очень разговорчивым и подвижным. Светловолосый, темноглазый, широкоплечий. Очень симпатичный парень. Он широко улыбнулся и поздоровался. Еще одного стража много раз видела, но имени его не знала. Высокий, худой, постоянно угрюмый и неприветливый.

— Капитан Аведа, — позвала миссис Патчис, и четвертый страж повернулся.

Настроение тут же испортилось, когда голубые глаза посмотрели недовольно. Аведа был удивлен, и мое присутствие вызвало на его лице странное выражение. Будто... будто он решил, что я пожаловалась миссис Патчис! Эта мысль мне не понравилась, я тоже нахмурилась.

— Доброе утро, капитан, — сказала преподавательница. — Я хочу представить вам нашего будущего библиотекаря и артефактора мисс Хлою Блэр. Она выросла в стенах академии и может стать вам прекрасным помощником в ознакомлении с помещениями, правилами и прочим, что будет вас интересовать.

В эту минуту я ощутила настоящее торжество. Лицо капитана вытянулось, а глаза чуть расширились, но надо отдать ему должное, Аведа довольно быстро пришел в себя. Возможно, он ждал с моей стороны едкого замечания о сорванной репетиции, но я не стала бить лежачего.

— Мисс Блэр в этом году присоединилась к студентам, чтобы получить возможность официально занять должность, но ее положение в академии несколько отличается от других. Большинство правил на нее не распространяются, я хотела, чтобы вы об этом знали и были готовы видеть ее в неположенных для студентов местах.

Эх, мне, конечно, нравилось, в каком положении оказался капитан, но лучше бы этот разговор состоялся вчера. Я кивнула капитану, делая вид, что мы впервые встретились, и он хмуро кивнул в ответ.

— Хлоя, — повернулась ко мне миссис Патчис, — капитан и его стражи отправятся вместе с нами.

— Хорошо, — пожала я плечами. — Могу я присоединиться к Ким?

— Конечно, — согласилась наставница, как только все формальности были соблюдены.

Пока я шла по коридору, с удовольствием вспоминала лицо капитана и даже ухмылялась. Конечно, ему не понять, чего он меня лишил. Но на душе все равно было радостно оттого, что он убедился, как был не прав. Подойдя к елке, я вспомнила, что не рассказала о случившемся Кимберли, поэтому решила исправить эту досадную ошибку. Подруга терпеливо выслушала мои жалобы и посочувствовала:

— И как же ты теперь без репетиции?

— Не знаю. — Я грустно опустила плечи. — Выхода-то все равно нет. От выступления не отвертеться.

— Знаешь, — ободряюще улыбнулась подруга, — мы можем что-нибудь придумать. А если ты отрепетируешь в городе? Давай напросимся на выравнивание льда на озере. Пока будем сглаживать, сможешь отрепетировать вдали от посторонних глаз.

— Вдали? — воскликнула я. — Да половина города приходит смотреть на то, как маги преобразуют его! И на озере, и на площадях будет полно народа.

— Точно. — Ким расстроено скривила свой очаровательный ротик. — А нельзя выстроить заслон? Я могла бы спрятать тебя за завесой. Танец у тебя небольшой, уж пару минут-то потерпят. А потом покажем им наше волшебство во всей красе. Как думаешь, миссис Патчис позволит?

— Не знаю, — не особо надеясь на положительный результат, сказала я.

— Не унывай, спросить-то можно! — просияла подруга. — Предоставь это мне.

Когда миссис Патчис и стража присоединились, настроение изменилось. Нет, радостное предвкушение никуда не исчезло, но возбуждение поутихло.

Надо отметить, что стража всегда сопровождала магов в город, да и в любых других передвижениях вне академии. Такие правила существовали со дня основания Зимней стужи. Были времена, когда магов похищали, на них нападали и даже убивали. Магическое сообщество давно разделилось на два лагеря. На тех, кто считал, что только после окончания

академии можно получить хороший пост и впоследствии стать магистром, то есть магом высшей категории. Магистры имели особые привилегии, к ним прислушивались, они имели весомый голос в обсуждении любых вопросов. Но были еще те, кто считал, что магия, дарованная самой природой, уже сама по себе дает некие привилегии, и любой волшебник имеет право высказываться на собраниях сообщества, независимо от того, обучался ли он в академиях. Магистры отвечали им, что порядок должен быть во всем. Так вот лагерь отступников от давно заведенных правил в последнее время проявлял агрессию. Они все чаще нападали на магистров, выпускников и просто студентов, чтобы доказать, что их сила не зависит от образования.

Мне все эти трения казались чем-то далеким и непостижимым, поскольку в Острэме было очень даже спокойно, а за пределы города я никогда не выбиралась. Поэтому присутствие стражи иногда выглядело неуместным. Но кто я такая, чтобы менять правила? По дороге в город Ким оставила меня на время, решив все же переговорить с миссис Патчис и убедить ее дать мне возможность отрепетировать еще раз. Я даже обрадовалась одиночеству, которое позволило мне любоваться идущим впереди Джерсом и немного помечтать. Я нередко представляла нас вместе, и в моих мечтах мы очень хорошо смотрелись. Оба светлоглазые, светловолосые, только мои локоны не сияли так на солнце и не отливали медом, они были чуточку темнее. В моих представлениях Джерс постоянно мне улыбался и говорил много приятного, а еще мы постоянно целовались...

— Хлоя, — слышался голос, который безжалостно выдернул меня из мира фантазий.

Я обернулась и встретила с напряженным взглядом капитана. Как он оказался позади меня, я даже не заметила, и теперь его присутствие немного раздражало.

— Я хотел сказать, что был не прав, — слова дались ему явно нелегко, Аведа будто заставлял себя произносить их.

— В этом нет необходимости, — сухо ответила я. — Возможность отрепетировать в одиночестве я все равно уже упустила.

— Я не люблю долгов. Когда я не прав, я это признаю, — будто отрапортовал он.

Никаких эмоций и видимых искренних сожалений. Лишь строгая констатация фактов.

— Что ж, не самая плохая черта, — довольно прохладно заметила я и прибавила шаг, чтобы не продолжать неловкий разговор.

Настроение снова испортилось, и мечты о Джерсе пришлось отбросить, поскольку даже они не могли порадовать. Андреас Аведа так и следовал до города, держась где-то у меня за спиной. Всю оставшуюся дорогу я ощущала на себе его взгляд. Когда мы вышли на холм, с которого открывался прекрасный вид на Острэм, Ким вернулась ко мне и заговорщицки подмигнула, давая понять, что вопрос улажен. Хотя я вовсе не представляла, как ее задумку можно реализовать. Решила всецело положиться на подругу, которая никогда не унывала и старалась воплощать все свои идеи в жизнь. Она покосилась на капитана и шепнула мне на ухо:

— Он сейчас спину твою прожжет своим сердитым взглядом.

— Еще бы понять, на что он сердится, — буркнула я в ответ, — когда уместнее сердиться все же мне.

— Хороший вопрос, — снова стрельнула в него взглядом Ким.

Стоило нам обеим увидеть заснеженные крыши домов, как мы наконец повеселели. Кимберли подняла вверх руки, сладко потянулась и радостно улыбнулась, ощущая нетерпение, которое было мне хорошо знакомо. Девушка растрепала копну тугих кудряшек и, схватив меня под локоть, вынудила ускориться.

У самого входа в город миссис Патчис повернулась к нам:

— Итак, рассредоточимся по крупным улицам: один студент, один преподаватель и один страж! Кимберли, ты пойдешь с Хлоей, она не преподаватель, но опытнее тебя. Однако призываю вас быть чуточку серьезнее, девушки! Анна пойдет со мной, Джерс с мисс Вандерут, а Стэнли с мистером Эйниром. Стражей распределит капитан.

Нашей задачей было пройти по улицам города и разрисовать дома зимними узорами, уложить снег в причудливые фигуры, создать несколько крошечных катков для детворы там, где это возможно. Некоторые жители уже высунулись из окон, вышли из дверей, как и мы предвкушая озорное волшебство.

— Встретимся на главной площади через час и совместными усилиями воссоздадим эскизы Хлои, которые были утверждены магистрами.

— А озеро? — спросил Стэнли.

— Этим займутся Хлоя и Кимберли уже после главной площади, — бросив на меня многозначительный взгляд, ответила миссис Патчис. Я благодарно улыбнулась в ответ. — Итак, дорогие мои, давайте подарим Острэму новогоднее настроение и поделимся нашим волшебством, чтобы порадовать соседей!

Под дружные аплодисменты мы начали распределять улицы. К нам с Ким капитан приставил Лидию, которая сдержанно кивнула в ответ. Сам Аведа собирался сопровождать Джерса. Когда миссис Патчис и мистер Эйнир увели студентов в нужном направлении, я тоже развернулась, чтобы уйти, но Лидия попросила задержаться:

— Дрей, — негромко окликнула она капитана и нагнала его, чтобы сказать несколько слов.

Мы с Кимберли переглянулись:

— А новый капитан, оказывается, уже был знаком с некоторыми из стражей, — весело поиграла бровями подруга. — Посмотри, как она к нему обратилась. Дрей. Не по уставу.

— Это и неудивительно, стражи обучаются вместе. У нас всего два гвардейских корпуса на всю страну, — ответила я.

— Может, между ними что-то было, — начала развивать свою мысль Кимберли. — Посмотри, как они шепчутся.

— Какое мне дело до того, как они шепчутся? — фыркнула я, но за взглядом подруги все же проследила.

Говорили стражи тихо и стояли довольно тесно друг к другу. Однако разговор был коротким. Аведа заметил наш интерес и тут же отослал свою подчиненную.

Некоторое время понадобилось, чтобы настроиться на нужный лад. Нам с Ким досталась довольно извилистая улица, которая называлась просто и лаконично — Кривая. Она считалась самой витиеватой в городе, и у нее было довольно много закоулков и ответвлений. Это немного усложняло задачу, но я понимала, почему миссис Патчис оставила ее мне. Благотельница всеми возможными способами пыталась нагрузить меня практикой, чтобы доказать магистрам мою компетентность. Для нее это было очень важно, ведь она считала меня своей воспитанницей и чувствовала ответственность за мои промахи.

Синхронно выдохнув, мы с подругой улыбнулись друг другу и приподняли руки. С кончиков пальцев тут же посыпались снежинки. Мы обе посмотрели на Лидию, которая изо

всех сил пыталась скрыть волнение и радость за напускной суровостью. Однако нас не проведешь, глаза девушки искрились весельем.

— Мне левая! Мне правая! — одновременно воскликнули мы с Кимберли, а потом расхохотались и приступили к делу.

К тому времени как мы неспешно добрались почти до конца улицы, она уже заполнилась счастливой детворой. Невозможно словами передать то возбуждение, что охватило меня. Каждый нерв, каждая капля крови, каждая частичка кожи уже звенели от неистового восторга. Я подмигнула малышам и подняла руки выше, а потом взмахнула ими — и на ближайшей крыше выросли снежные фигуры. Прямо в центре стоял огромный снеговик, а рядом чуть поменьше. Большого я нарядила в цилиндр, повязала шарф в разноцветную полоску и добавила жилет с цветными пуговицами. А тому, что поменьше, выбрала красивую розовую шляпку с вуалью, воротничок из розового кружева и пышную коротенькую юбку. Наклдовала им глазки-бусинки, носы-морковки и улыбки. Малышня смотрела с приоткрытыми ртами, и, стараясь удивить их еще больше, я щелкнула пальцами, чтобы большой снеговик зашевелился. Он повертелся, будто разминаясь, а потом галантно приподнял цилиндр, приветствуя детвору. Улица взорвалась довольным хохотом и восторженными криками. Мое сердце зашло от радости.

Кимберли соорудила танцующих балерин, которые плавно поднимали руки, и из-под их пальцев, совсем как у нас, сыпались снежинки. Все, кто хотел, могли встать под медленный снегопад. Подруга расхохоталась и, когда маленькая девочка попыталась поймать одну из снежинок, сделала их разноцветными. Девочка взвизгнула и захлопала в ладоши.

Я бросила взгляд на Лидию, которая поджимала губы, пытаясь скрыть улыбку. Заметив небольшой закоулок между домами, окликнула подругу, и мы вместе создали небольшой каток, шагая по кругу и покрывая холодным дыханием поверхность. Как только все было готово, я подозвала детишек и выстроила их в очередь, в которой они весело толкались, стараясь опередить друг друга. Продолжая улыбаться Кимберли, наклдовала для их обуви лезвия, позволяющие скользить по тонкому, но прочному льду.

Вокруг катка мы соорудили сугробы, чтобы малышам было куда мягко падать. Продолжая радоваться и наблюдать за детьми, я ощутила на себе чей-то взгляд. Поискав глазами,

увидела капитана Аведу, который видел все происходящее. Интересно, как давно он там стоял? Мне стало немного неловко, когда я уловила что-то похожее на тепло в его голубых глазах. Джерс уже заканчивал со своей улицей, которая пересекалась с нашей.

Чтобы сбросить с себя странное ощущение, я залюбовалась действиями молодого мага, который возводил снежные композиции в виде кузниц, оживших рыцарских поединков и диковинных животных. Его движения были четкими, смелыми, без тени сомнения или неуверенности. Да, восторга, как у нас с Ким, эти действия в нем не вызывали, но работал он с упоением. Даже не заметила, как застыла, внимательно следя за каждым взмахом рук Джерса, за каждым поворотом и за бормотанием красивых губ. Сердце встрепенулось, но снова настырный взгляд будто толкнул меня в плечо. Я перевела глаза на капитана, который, безусловно, видел мою реакцию на присутствие Джерса. Аведа нахмурился и, тряхнув головой, отвернулся, а я, ощущая смущение и одновременно легкую злость, вернулась к подруге.

Поняв, что порядком задержались, мы с Кимберли продолжили путь, украшая дома подвижными фигурами и ледяными картинками.

Миссис Патчис ждала нас на площади, вокруг которой собирались жители, готовые к волшебству. Они негромко переговаривались, притопывая ногами, поскольку денек выдался морозным. Учителя вышли в центр площади, а мы встали по кругу на внешней ее стороне. Таким образом охватывая всю необходимую территорию. Как только миссис Патчис дала сигнал, жители Острэма замерли, и будто весь город погрузился в трепетную тишину. Это было потрясающе! И ужасно волнительно. Каждый из нас осознавал ответственность, ведь стоило одному звену не справиться, как вся задумка пойдет насмарку.

После утверждения моих эскизов миссис Патчис раздала их копии всем, кто должен принять участие в украшении города. Каждый знал свою задачу. Воссоздать мои рисунки нужно было одним-единим взмахом. На миг испугалась: а что, если жителям не понравится то, что я для них придумала? Отыскав глазами Ким, которая оказалась на противоположной стороне площади, я с мольбой посмотрела на нее. Девушка твердо кивнула мне и улыбнулась. Стало немного легче, но волнение никуда не делось.

Миссис Патчис медленно осмотрела всех собравшихся, и уголок ее губ дернулся вверх, а потом она расставила руки в стороны, и все остальные гости из академии повторили этот жест. Еще секунда, и мы разом подняли руки, произнеся короткое заклинание:

— Мерито гласиес!

Площадь едва ощутило содрогнулась, и со всех сторон из-за домов вихрями закружился снег. Он вращался над нашими головами и складывался в фигуры, а потом преобразовывался в лед. На глазах у горожан воздвигались огромные горки, закрученные спиралью, на конце которых вырастали пушистые сугробы. Для детей сооружались горки поменьше в виде разнообразных животных. Например, слоника, хобот которого плавно спускался к земле. Или жирафа, который пытался откусить листву. В самом центре площади вырос огромный замок с башнями и сводами. А еще прозрачная самоходная карета, которая должна была катать всех желающих. Стоило на нее забраться, как она приходила в движение, а стоило покинуть — карета застывала в ожидании. По крайней мере, именно такой я ее задумывала. То тут, то там возникали танцующие фигуры, карусели и крошечные домики.

Только когда вся композиция была готова и жители Острэма восторженно ахнули, я смогла наконец выдохнуть спокойно. Все получилось. Миссис Патчис и мисс Вандерут одобрительно улыбнулись мне, а потом моя покровительница кивнула в сторону озера. Оставалась всего одна невыполненная задача. Поймав еще один взгляд преподавателя, я заметила, что он обращен к капитану Аведа. Молодой мужчина кивнул и приблизился ко мне, давая понять, что будет сопровождать нас с Ким к озеру.

ГЛАВА 3

— Только этого не хватало, — проворчала я, подхватывая подружку под руку.

Кимберли обернулась, чтобы понять, чем именно я недовольна. Капитан с невозмутимым видом шествовал за нами.

— Не волнуйся, я уговорила миссис Патчис на время отвлечь горожан, а с одним стражем как-нибудь справимся, — сказала она шепотом.

Аведа изо всех сил старался не смотреть на нас, но я все равно будто чувствовала его внимание. Капитан держал руку на эфесе своего меча и стрелял глазами направо и налево. Его густые брови то и дело сходились у переносицы, словно их хозяин возложил на себя все тяготы этого мира. «Этот человек никогда не улыбается?» — мелькнула мысль в моей голове. Сейчас, при дневном свете, я смогла разглядеть капитана лучше. В жизни не видела таких выразительных, таких живых глаз. Их цвет не походил ни на один из известных мне оттенков. В спокойном состоянии они напоминали чистое безоблачное небо в погожий летний день, а если посмотреть, когда капитан сердит, то можно увидеть набегающую суровую морскую волну, под которой скрывается бездонная пропасть. Еще эта кожа, благодаря которой глаза Аведы казались еще выразительнее. Щетину он не сбрил, наверное, капитанам можно. Все остальные стражи-мужчины всегда ходили гладко выбритыми. Густая непослушная шевелюра, хоть и острижена коротко на висках и шее, но на макушке даже немного завивалась. Вчера я не ошиблась, ростом капитан и правда был выше меня на целую голову. Черная строгая форма была очень ему к лицу, и даже казалось, будто он рожден именно для того, чтобы носить ее. Аведа повернул голову и заметил, что я бесстыдно его разглядываю, пришлось отвернуться и спрятать неловкость.

Заснеженное озеро встретило нас покоем и безмолвием. Ветки окружающих его деревьев склонились к земле от обилия снега на них. Белые, казавшиеся воздушными шапки, на самом деле были тяжелыми и уже непосильными для несчастных деревьев. Вокруг замерзшего озера стояла легкая белая дымка, словно самые мелкие снежинки беспокойно отрывались от льда и некоторое время парили над ним, а потом оседали снова, сменяя друг друга. Замерзло озеро неровно, то тут, то там торчали острые бугорки или попадались углубления.

— У нас минут десять, — сообщила Ким. — Потом все хлынут сюда, наблюдать за тем, как миссис Патчис и мисс Вандерут проложат дорогу к катку.

Я нервно кивнула и покосилась на капитана, который застыл в отдалении. Он не оставлял нас, но и не приближался. Хоть на том спасибо.

— Давай начинать, — кивнула я, изо всех сил стараясь забыть о присутствии Андреаса Аведы.